

УДК 351.74(09)

В.А. Данилов, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: danvik07@bk.ru)

УЧАСТИЕ ОРГАНОВ НКВД/МВД БССР В ТРУДОУСТРОЙСТВЕ ДЕТЕЙ-СИРОТ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945–1953 гг.)

На основании архивных материалов анализируется деятельность сотрудников НКВД/МВД БССР по трудовому устройству сирот в послевоенные годы.

Ключевые слова: беспризорники, дети-сироты, трудоустройство, трудовое устройство, жизненные условия, побеги с мест трудоустройства.

В годы войны в СССР был разработан комплекс мероприятий по преодолению сиротства, беспризорности и безнадзорности. Он включал воссоздание сети детских комнат милиции, детских приемников-распределителей, открытие детских воспитательных колоний, организацию отделов по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью НКВД. Увеличилась сеть детских домов Наркомата просвещения. Все учреждения были рассчитаны на работу с различными возрастными группами сирот. Младшие дети подлежали передаче на патронат, в детские дома и на усыновление. Подростки размещались в детские приемники-распределители и детские трудовые воспитательные колонии, затем подлежали устройству на работу в промышленность и сельское хозяйство.

С детьми младшего и среднего возраста ситуация была ясна. Возник вопрос с сиротами в возрасте 15–17 лет, которые не подлежали усыновлению и передаче на патронат и в детские дома. Оказавшись в сложном положении, они нуждались в жилье и средствах к существованию. Проблема имела острый социально-политический и экономический характер. Во-первых, необходимость устройства сирот войны являлась неременным долгом государства перед гражданами, погибшими за Родину. Во-вторых, восстановление экономики требовало рабочих рук. В-третьих, страна нуждалась в образованных, социально ориентированных гражданах. По этой причине государство уделяло первоочередное значение устройству и закреплению на производстве подростков-сирот, видело в трудоустройстве путь обретения ими самостоятельности, профессии, средств к существованию и жилья. Постановлением СНК СССР от 26 июня 1943 г. № 657 сироты старше 14 лет после пребывания в детских воспитательных колониях и детских приемниках-распределителях подлежали направлению на работу в промышленность. За исполнение отвечали органы внутренних дел [1, ф. 11, оп. 1, д. 1, л. 42]. Предприятия обязаны были обеспечить их жильем, одеждой и обувью, трехразовым горячим питанием, обучением [1, ф. 11, оп. 1, д. 14, л. 38].

Деятельность НКВД/МВД БССР по устройству сирот на работу в послевоенные годы проходила по следующим направлениям: непосредственное устройство сирот, контроль за положением устроенных подростков, анализ причин негативных фактов в трудоустройстве и закреплении подростков на производстве и информирование органов власти. Важнейшим было непосредственное устройство подростков на заводы и фабрики. Основная нагрузка возлагалась на сотрудников приемников-распределителей, через которых проходила основная масса задерживаемых. В 1944–1948 гг. приемники-распределители БССР приняли и устроили 61 182 детей, в том числе трудоустроили 6 807 [1, ф. 11, оп. 1, д. 32, л. 2]. Налаживая деловые контакты с руководителями предприятий, сотрудники приемников-распределителей устраивали воспитанников на работу, контролировали их закрепление и обеспечение одеждой, питанием и жильем. В первом квартале 1948 г. из приемников-распределителей были устроены на работу 538 подростков. Большинство было обеспечено всем необходимым. Ответственно относились к делу сотрудники Гомельского приемника-распределителя. Устроенный на мебельную фабрику в г. Новобелица Н.В. Салей отлично работал, регулярно перевыполнял план, его заработок достигал 1 000–1 200 рублей. Подросток вступил в комсомол, учился в

7 классе вечерней школы. Его товарищ по приемнику-распределителю С.П. Ермолов хорошо трудился на обувной фабрике «Труд», зарабатывал по 700–800 рублей, вступил в комсомол и учился в вечерней школе. Сморгонским приемником-распределителем в 1952 г. был устроен на Молодечненский гор-промкомбинат В.А. Савчук, где за ударный труд неоднократно получал благодарности администрации предприятия [1, ф. 11, оп. 1, д. 66, л. 280–281]. Воспитанница Мозырского приемника Е.К. Чекан была трудоустроена в артель «Рассвет» Василевичского района, стала ткачихой. За отличную работу девушка неоднократно премировалась деньгами, награждалась бесплатной путевкой в дом отдыха, вступила в комсомол [1, ф. 11, оп. 1, д. 66, л. 281]. Хорошее отношение к рабочим-сиротам сложилось на Гомельском и Речицком хлебозаводах, конфетной фабрике, мясокомбинате и кожевенном заводе Гродненской области. Подростки жили в благоустроенных общежитиях, обеспечивались одеждой и обувью, учились в вечерней школе [1, ф. 11, оп. 1, д. 22, л. 262].

Однако определить воспитанников приемников-распределителей в хорошие условия удавалось не всегда по причине отказов руководителей предприятий. Совет Министров БССР постановлением от 25 декабря 1945 г. № 1915 обязал министерства трудоустраивать подростков и создавать им необходимые условия, однако это указание в полной мере не выполнялось. Министерство легкой промышленности БССР в 1946 г. по разнарядке Совета Министров БССР должно было устроить на свои предприятия 1 200 подростков, но им в приеме на работу было отказано [1, ф. 11, оп. 1, д. 11, л. 63]. Анализ архивных документов показывает, что многие руководители предприятий фактически игнорировали указания Совета Министров БССР. Так, 20 сентября 1946 г. на Кузьминский спиртзавод Гродненской области было трудоустроено 4 парней из приемника-распределителя, но уже 4 октября 1946 г. директор завода Кифоренко приказал возвратить подросткам документы и уволил их без объяснения причин [1, ф. 11, оп. 1, д. 11, л. 36]. Случалось и бездушное отношение к сиротам. В 1953 г. Н. Агеева долгое время числилась ученицей в Борисовской артели «Октябрь» (с соответствующей зарплатой). Сироты Г. Лопатина и М. Андрейчик длительное время работали в Борисовской артели «Объединенный труд» с ежемесячной зарплатой 125 рублей, на что в 1953 г. самостоятельно прожить было невозможно [1, ф. 11, оп. 1, д. 60, л. 268].

Проблемы с жильем, одеждой и питанием толкали несовершеннолетних к побегам. На многих предприятиях не было нормальных жилищных условий, в результате чего в 1952–1953 гг. 110 подростков сбежали с предприятий. Мозырский приемник-распределитель в 1952 г. трудоустроил на машинотракторную станцию 5 подростков, но из-за отсутствия жилья и плохого отношения дирекции 4 из них сбежали. Только в третьем квартале 1946 г. из Слонимского и Несвижского райпромкомбинатов Барановичской области сбежали 15 подростков, из Малиновского спиртзавода Молодечненской области – 5, с птицефабрики г. Борисова – 3, с плодоовощного совхоза «Ловки» Гродненской области – 3 [1, ф. 11, оп. 1, д. 11, л. 63]. На предприятиях г. Орши в 1946 г. из 119 закрепились только 55 человек [1, ф. 11, оп. 1, д. 11, л. 37]. Не имея жилья и средств к существованию беглецы возвращались к беспризорному образу жизни и воровству. Только в марте – апреле 1947 г. было раскрыто 104 преступления с участием несовершеннолетних, привлечено к уголовной ответственности 67 [1, ф. 11, оп. 1, д. 15, л. 118].

Из-за проблем с трудоустройством и жильем сироты задерживались в приемниках-распределителях сверх установленного 14-дневного срока пребывания. Учитывая безвыходное положение подростков, сотрудники приемников шли на нарушения инструкции. Только в 1946 г. в приемниках-распределителях насчитывалось 1 667 таких подростков, из них содержались более одного месяца – 1 002, более двух месяцев – 712 человек. Только в Полоцком приемнике в четвертом квартале 1946 г. содержалось более одного месяца – 58 и более двух месяцев – 49 человек. В Речицком приемнике в 1946 г. передерживались более 14 суток – 69, более одного месяца – 24 и более двух месяцев – 10 сирот [1, ф. 11, оп. 1, д. 11, л. 36]. Часто дети «задерживались» в приемниках надолго. В Борисовском приемнике девочки Г.И. Лещенко и Я.И. Луцилина содержались более шести месяцев [1, ф. 11, оп. 1, д. 66, л. 283]. Такие передержки вели к перерасходу бюджетных средств и занятию мест.

Сотрудники НКВД/МВД проводили проверки условий труда и быта подростков, посещая предприятия, общежития и проводя беседы с подростками и администрацией. О результатах проверок докладывали руководству республики и МВД СССР. Однако количество проверок было ограничено штатной численностью и возможностями подразделений по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. В первом полугодии 1948 г. было проверено состояние трудоустроенных приемниками-распределителями 420 подростков [1, ф. 11, оп. 1, д. 18, л. 68]. В дальнейшем количество проверок уменьшилось. Так, в первом квартале 1950 г. были обследованы условия проживания, питания и труда 6 сирот [1, ф. 11, оп. 1, д. 41, л. 80]. Во втором квартале проверено 10 подростков

[1, ф. 11, оп. 1, д. 41, л. 200]. Учитывая, что за второй квартал 1950 г. были устроены на работу 98 человек, количество проверок было крайне недостаточным. За это же время ОВД были задержаны 69 человек безнадзорных, сбежавших из мест трудоустройства [1, ф. 11, оп. 1, д. 41, л. 206]. Даже в таком объеме проверки показали, что закрепление подростков на производстве остается нерешенной проблемой. Проверка Министерства юстиции БССР в августе – сентябре 1953 г. показала, что из 238 подростков закрепились на работе всего 118. Вывод по итогам проверки гласил: «В тех предприятиях, где руководители обращают внимание на подростков и юношей, создают им необходимые условия для получения квалификации и нормальные жилищно-бытовые условия, там подростки хорошо работают и учатся» [1, ф. 11, оп. 1, д. 66, л. 280]. Проверки как форма работы с сиротами были весьма результативны, но не охватывали значительное количество сирот. Понятно, что увеличение количества проверок способствовало бы закреплению подростков на производстве.

Анализ общественно-экономической ситуации в БССР в 1944–1950 гг. указывает на факторы, влиявшие на трудоустройство подростков. Одним из них была их низкая квалификация, что в условиях жесткого планирования делало их обузой для производства. Нехватка рабочих мест в первые послевоенные годы – второй фактор, о котором достаточно скупно упоминали в отечественной научной литературе. По закону СССР от 23 июня 1945 г. о демобилизации органам власти вменялось срочное обеспечение демобилизованных воинов жильем и работой [2].

Экономике БССР был нанесен колоссальный ущерб, уничтожено большинство предприятий, что вызвало проблемы с трудоустройством демобилизованных солдат. В Гомельской области в сентябре – октябре 1945 г. из 9 150 демобилизованных воинов не смогли устроиться на работу 2 485, в Витебской области из 8 327 прибывших солдат не были трудоустроены 3 062 человека, в Могилевской области – 1 541 человек [3, ф. 4, оп. 61, д. 221, л. 6, 7]. Оказалось также невыполненным требование обеспечить жильем демобилизованных (Закон от 23 июня 1945 г.). Возвращение эвакуированных граждан, репатриация из Германии и демобилизация привели к катастрофе с жильем. В Могилевской и Гомельской областях в 1945 г. свыше 15 тыс. семей военнослужащих, семей воинов, погибших на фронте, инвалидов войны жили в землянках и непригодных помещениях [3, ф. 4, оп. 61, д. 221, л. 5, 6]. В свете вышеизложенного очевидны причины, по которым руководители предприятий игнорировали распоряжения властей о трудоустройстве подростков-сирот. За неустройство подростков-сирот и отсутствие бытовых условий грозило, конечно, наказание (мог быть выговор, взыскание по партийной линии и т. д.), но невыполнение государственного плана и за возмущение рабочих отсутствием жилья влекло наказание на порядок серьезнее.

Эффективная форма работы – поддержание связи сотрудников детских приемников-распределителей с бывшими воспитанниками. Бывшие воспитанники могли оказать большую помощь в предупреждении правонарушений несовершеннолетних. А.В. Садовский справедливо, на наш взгляд, полагал, что письма и рассказы выпускников об успехах в труде, участии в общественной жизни трудовых коллективов вызовут у воспитанников приемников-распределителей большой интерес [4, с. 133]. Широко развивали «обратную» связь с выпускниками в Гомельском приемнике-распределителе, где проводились встречи воспитанников с представителями администрации предприятий. Такие встречи способствовали улучшению условий труда и быта, досуга сирот на заводах и фабриках. В Бобруйске сотрудники приемника Цилько, Хордас и Рябкина вели с бывшими воспитанниками переписку, давали им житейские советы, оказывали помощь в улучшении материально-бытовых условий [1, ф. 11, оп. 1, д. 18, л. 35]. Бывший воспитанник Кузнецов писал в 1946 г. начальнику Минского приемника-распределителя Зайкиной: «Дорогой товарищ директор, я Вас очень благодарю, что Вы так отнеслись к сиротам и устроили нас в такое хорошее место и сделали из нас людей, а не бродяг. Мы все 6 человек получим специальность и будем строить машины Советской Родине» [1, ф. 11, оп. 1, д. 11, л. 41]. К 1951 г. все приемники-распределители наладили тесные связи с бывшими воспитанниками. Их письма использовали в индивидуальной воспитательной работе, зачитывали на линейках, помещали в стенгазеты.

Успешно проходили вечера-встречи с трудоустроенными. Воспитанник Минского приемника-распределителя Емельянов 1935 г. р. в 1950 г. начал работать на заводе им. Ворошилова. Юноша получил рабочий разряд, был поставлен на самостоятельный участок. В 1951 г. на этот завод пришел его товарищ по приемнику-распределителю В. Мицкевич, который попал на обучение к Емельянову. В июне 1951 г. молодые люди посетили приемник-распределитель, рассказали о своих успехах в труде и учебе, о трудностях, которые встречались на заводе, об условиях труда [1, ф. 11, оп. 1, д. 51, л. 121]. Подобные связи способствовали закреплению подростков на производстве и улучшению условий их труда и быта.

Ответственным направлением работы сотрудников НКВД/МВД БССР являлся контроль за работой комиссий по устройству детей-сирот при исполкомах Советов. Она осуществлялась путем сбора,

анализа и обобщения оперативной информации и предоставления ее в виде отчетов, справок о состоянии детского сиротства и подготовки материалов на заседания Совета Министров и республиканской комиссии по устройству детей-сирот. Созданные постановлением СНК СССР от 22 января 1942 г. № 75 «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» для координации усилий по устройству сирот комиссии включали представителей профсоюзных и комсомольских органов, органов образования, здравоохранения и НКВД [5]. В данную конструкцию был заложен большой административный потенциал, однако малореализованный на практике. Создание комиссий тормозилось низким уровнем исполнительской дисциплины на местах. Они создавались достаточно медленно, в ряде мест числились на бумаге. В справке МВД от 20 июля 1946 г. заместителю председателя Совета Министров БССР И.М. Ильюшину указывалось, что комиссии не работают, учет ими детей-сирот не налажен. Сотрудниками МВД были установлены не учтенные 997 подростков [1, ф. 11, оп. 1, д. 10, л. 108]. В последующем работа комиссий существенно не улучшилась. В 1949 г. МВД докладывал в Совет Министров БССР, что в ряде районов Бобруйской области комиссии при Советах созданы, но бездействуют [1, ф. 11, оп. 1, д. 32, л. 116]. Не лучше обстояло дело и в других областях и районах республики. Анализ имеющихся архивных документов не позволяет сделать полные научно обоснованные выводы о причинах безответственного отношения местных советских и партийных руководителей к проблеме устройства на производство подростков-сирот, не нашедших приемной семьи и оставшихся без крова и средств к существованию. Однако можно заключить, что в случае налаживания работы комиссий строго в рамках предписанных государством (учитывая их авторитетный и обладавший широкими полномочиями состав), проблему удалось бы успешно и в короткие сроки решить.

Бездействие комиссий не способствовало улучшению ситуации с детской безнадзорностью и беспризорностью в республике. В отчете МВД БССР в Совет Министров республики в 1951 г. отмечалось, что среди основных причин беспризорности и безнадзорности стоит уход подростков из мест трудоустройства. Доля покинувших места трудоустройства достигала 8–10 % от повторно доставленных в приемники-распределители [1, ф. 11, оп. 1, д. 51, л. 66]. Только в 1952 г. МВД письмами от 1 сентября за № 13/0842, от 7 октября за № 13/0929 и от 31 декабря информировало ЦК КП Белоруссии и Совет Министров БССР об имевшихся проблемах с трудоустройством подростков [1, ф. 11, оп. 1, д. 52, л. 160].

Своевременное информирование руководства республики положительно влияло на борьбу с беспризорностью и безнадзорностью. По материалам и по инициативе НКВД/МВД БССР только в 1944–1945 гг. был принят ряд нормативных актов. Это постановления СНК БССР и ЦК КП(б)Б от 12 октября 1943 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» и от 13 июня 1945 г. «О мерах помощи детям-сиротам», от 27 апреля 1945 г. «О расширении сети ДПР», от 25 декабря 1945 г. «О трудоустройстве воспитанников из детских приемников-распределителей, детдомов» и др. [1, ф. 11, оп. 1, д. 10, л. 40].

Вышеизложенное позволяет прийти к следующим выводам.

Основная ответственность в трудовом устройстве подростков-сирот в послевоенные годы возлагалась на органы внутренних дел. Их деятельность в БССР по устройству сирот в промышленность и сельское хозяйство в послевоенные годы развивалась в нескольких направлениях. Это непосредственное устройство подростков, контроль за трудоустройством и закреплением их на производстве, информационная работа, мониторинг состояния устроенных подростков, их быта. В своей работе сотрудники органов внутренних дел столкнулись с большими трудностями объективного и субъективного характера, часть которых не удалось преодолеть. Однако даже за относительно невысокими цифрами трудоустроенных сотрудниками НКВД/МВД подростков-сирот стоят сотни спасенных от бездомной жизни, преступного влияния «улицы» и получивших профессию и будущее граждан нашей республики.

Список использованных источников

1. Архив МВД Республики Беларусь.
2. Закон от 23 июня 1945 года «О демобилизации старших возрастов личного состава Действующей армии» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.librussr.ru/doc_ussr/ussr_4545.htm. – Дата доступа: 22.03.2020.
3. Национальный архив Республики Беларусь.
4. Садовский, А.В. Предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних / А.В. Садовский // Воспитание детей в спецучреждениях / ред. Ю.В. Шабанов. – Минск : Наука и техника, 1969. – 148 с.
5. Об устройстве детей, оставшихся без родителей [Электронный ресурс] : постановление СНК СССР, 23 янв. 1942 г. / Молодая Гвардия. – Режим доступа: <http://www.molgvardia.ru/nextday/2013/01/23/43644>. – Дата доступа: 27.12.2019.

V.A. Danilov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Lecturer at the Department of Theory and the History of State and Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

PARTICIPATION OF THE PEOPLE'S COMMISSARIAT FOR INTERNAL AFFAIRS/MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF BELARUS IN THE EMPLOYMENT OF ORPHANED CHILDREN IN THE POST-WAR YEARS (1945–1953)

This article is based on archive materials and it analyze participation of the People's Commissariat for Internal Affairs/Ministry of Internal Affairs of Belarus in the employment of orphaned children in the post-war years.

Keywords: homeless children, orphaned children, employment opportunities, living conditions, escapes from places of employment.

УДК 340.114.5

*Е.И. Стабровский, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: egor_stab@mail.ru)*

НОРМАТИВНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ В ПРАВОВОМ СОЗНАНИИ ЧЕЛОВЕКА

Исследуются правовые ценности. Анализируются точки зрения ученых о понятии ценностей, правовых ценностях. Акцентируется внимание на несовпадении правовых ценностей в системе права и в правовом сознании человека. Выделяются понятия нормативных и личностных правовых ценностей, предлагаются их определения. Анализируется процесс и отмечаются пути формирования личностных правовых ценностей.

Ключевые слова: правовое сознание, правовая ценность, нормативная правовая ценность, личностная правовая ценность.

Актуальность исследования современных проблем правового регулирования во многом связана с вопросом об основании выбора человеком правомерного поведения. Ценности, получившие выражение в праве, приобретают статус правовых ценностей, после чего становятся содержанием правового сознания личности, субъекта права. Правовые ценности присутствуют на разных уровнях правового сознания личности и имеют различную степень усвоения: как нормативные и как личностные правовые ценности.

Обратимся к исследованию нормативных правовых ценностей, которые выражены в системе права и проявляются в рефлексивном уровне (или слое) правового сознания, а также к исследованию личностных правовых ценностей, которые проявляются в личностно-ценностном уровне правового сознания человека.

Современная наука имеет значительный материал исследований, посвященных ценностям. При этом дискуссионным остается вопрос о понятии и природе ценностей, функционировании ценностей на уровне личности и общества. Н.К. Неновски отмечает, что «ценность не вещь, не явление, взятые сами по себе, безотносительно к человеку. Ценности – это вещи, обращенные к человеку. В этом смысле ценность не есть сам предмет (материальный или духовный, природный или общественный, действительный или мнимый), ценность – это предмет в его связи с человеком с точки зрения его значимости для человека» [1, с. 25]. В данных положениях подчеркивается, что ценность может быть как материальной, так и духовной, как объективированной, так и идеализированной. Ценности являются реальными факторами правовой жизни. Человек является критерием определения ценности или неценности. Л.О. Мурашко указывает, что «ценности представляют собой онтологическое основание конкретного общества и обуславливают представления об идеальных моделях социального взаимодействия; носят конкретно-исторический и антропоцентрический характер; воплощают универсальные значимости, что предопределяет объективный характер ценностей» [2, с. 44]. В этой связи ценностью является то, что имеет значение для человека и общества. Однако значение имеют также феномены, не являющиеся ценностями и имеющие негативный характер (преступления, вред, катастрофы и т. п.). Подобные феномены представляют собой неценности или антиценности. По этой причине ценностями может быть только то, что имеет положительную направленность и способствует раскрытию созидательного потенциала человека и общества.

В правовом регулировании общественных отношений нормативным правовым ценностям принадлежит особое значение. Правоведы обычно в рамках аксиологии права именуют их просто «правовыми ценностями», понимая под ними выраженные в конструкциях правовых норм, принципов, общих начал законодательства идеальные модели поведения, рассматриваемые в качестве таковых в конкретном правовом порядке с опорой на международные правовые стандарты.